

УДК 903.5(571.53)"6343"

DOI <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.23.44>

Результаты изучения и датирования погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья (оз. Байкал)*

О. И. Горюнова^{1,2}, А. Г. Новиков^{1,2}, Г. В. Туркин³, А. В. Вебер⁴

¹Иркутский государственный университет, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

³ООО «Альтамира», Россия

⁴Университет Альберты, Канада

Аннотация. Впервые обобщены и проанализированы все погребальные комплексы раннего неолита Приольхонья (9 могильников, включающих 28 погребений). По особенностям погребальной практики выделены две основные группы, объединенные стабильным набором характерных признаков: хоторукская (приольхонский вариант китойской погребальной практики) и курминская, которые различаются между собой положением костяка, наличием или отсутствием охры, набором и типологией инвентаря. Они, вероятно, принадлежали разным группам населения. Выявлены локальные отличия хоторукской группы от «классических» китойцев, ареал которых – Верхнее Приангарье. На основе анализа новых AMS-дат (с учетом их коррекции на пресноводный резервуарный эффект) установлено, что курминская группа существовала в пределах 8177–7330 кал. л. н., а хоторукская – 7749–7163 кал. л. н.

Ключевые слова: Байкал, Приольхонье, ранний неолит, погребальные комплексы, хоторукская группа, курминская группа, радиоуглеродное датирование, резервуарный эффект.

Для цитирования: Результаты изучения и датирования погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Г. В. Туркин, А. В. Вебер // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 44–70. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.23.44>

Введение

В раннем неолите юга Байкальской Сибири в настоящее время выделяются два обрядовых массива погребальных комплексов – классический китойский, дислоцируемый преимущественно в Верхнем Приангарье, и комплексы, имеющие ряд существенных отличий от них [Базалийский, 2012, с. 58–86]. Среди последних В. И. Базалийским выделены региональные группы: Восточнобайкальская, Приольхонская, Верхнеленская и Северовышленская. Все они имеют локальные отличия в погребальных традициях. Раскопки последних десятилетий в Приольхонье, а также радиоуглеродное

* Работа выполнена в рамках плана НИР ИАЭТ СО РАН, проект № 0329-2016-0008 и госзадания № 33.2057.2017/4.6 Минобрнауки РФ.

датирование значительно расширили фактологическую базу по погребениям раннего неолита этого региона и позволили более детально проанализировать эти материалы.

Приольхонье – это физико-географическое понятие для территории, охватывающей западное побережье оз. Байкал от мыса Елохин на севере до р. Большая Бугульдейка на юге, включая о-в Ольхон. В археологическом отношении – это один из наиболее исследованных районов Прибайкалья. Тем не менее проблема изучения ранненеолитических погребений этого региона, важная не только для этой территории, но и для всего юга Байкальской Сибири, еще не прошла стадию накопления фактического материала.

Первые неолитические погребения на этой территории были обнаружены и изучены в 1959 г. отрядами Иркутской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под общим руководством М. П. Грязнова [Грязнов, Максименков, 1992]. Всего было исследовано 7 неолитических погребений, 2 из которых (№ 12 и № 15 могильника Улан-Хада IV) по особенностям обряда отнесены к китойской группе захоронений [Комарова, Шер, 1992, с. 39; Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 52–53].

Работы Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР под руководством А. П. Окладникова на Шаманском мысе о-ва Ольхон в 1970-х гг. дополнили материалы еще одним китойским погребением – Шаманский Мыс I, № 3 (1972 г.) [Конопацкий, 1982; Асеев, 2003]. В 1977–1979 гг. Саянским отрядом той же экспедиции (И. В. Асеев) обнаружен китойский неолитический могильник в местности Хоторук – Хоторук II (раскопано 7 погребений) [Конопацкий, 1982; Асеев, 2003, с. 70–74]. На основе радиоуглеродных дат, полученных по погребениям Шаманского Мыса I, было высказано предположение о более древней дате китойской неолитической культуры и отнесении ее к раннему неолиту [Конопацкий, 1982].

В 2003 г. Российско-Канадской археологической экспедицией Иркутского государственного университета (О. И. Горюнова, А. В. Вебер) на могильнике Курма XI была раскопана группа погребений (6 могил), отнесенная по ряду признаков и на основе радиоуглеродного датирования к раннему неолиту [Горюнова, Вебер, 2003; Вебер, Горюнова, 2005; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012, с. 141–142]. Особенности погребальной практики (наличие надмогильных каменных сооружений, отсутствие в обряде так называемой охры, т. е. пигмента красного цвета и др.) позволили выделить в раннем неолите особую группу захоронений – курминскую, отличную от китойских погребений Прибайкалья [Горюнова, Вебер, Новиков, 2012, с. 141–142, 161; Новиков, Горюнова, 2012].

В результате раскопок археологического отряда под руководством Г. В. Туркина на о-ве Ольхон в 2004, 2006 и 2013 гг. существенно пополнилась база данных по погребениям раннего неолита Приольхонья: был обнаружен могильник Хонхойская Губа I, содержащий 6 китойских погребений.

В 2010 г., в ходе проведения новостроечных работ, отрядом Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета (А. В. Харинский, А. В. Луньков) на объекте Хужир-Нугэ IX было вскрыто погребение (№ 3), которое по ряду признаков погребальной практики и типологии сопроводительного инвентаря сопоставляется с комплексами раннего неолита [Харинский, Луньков, 2010, с. 27–31].

Еще одно погребение раннего неолита изучено в 2013 г. отрядом школьников под руководством Д. Е. Кичигина на мысе Уюга, в окрестностях с. Курма [Кичигин, 2014; Кичигин, Емельянова, Коростелев, 2017]. Отнесение вскрытого погребения к раннему неолиту основано на типологии сосуда, зафиксированного в могиле, и радиоуглеродном датировании.

В конце прошлого – начале нынешнего веков в рамках Российско-Канадского Байкальского археологического проекта (руководитель А. В. Вебер) проведено массовое датирование комплексов погребений неолита и раннего бронзового века Прибайкалья (включая и территорию Приольхонья). В результате, по ряду невыразительных захоронений, условно отнесенных к тому или иному периоду, были получены радиоуглеродные определения, позволившие отнести их к раннему неолиту. Так, в группе серовских погребений могильника Сарминский Мыс (раскопки О. И. Горюновой, 1986–1987 гг.) выделено 3 захоронения раннего неолита (№ 22, 24, 34). Они отличаются расположением на могильном поле, отсутствием в обряде берестяного покрытия и «очистительного» костра, характерных признаков для серовских погребений Приольхонья [Горюнова, 1997, с. 27–30, 32–36]. Судя по радиоуглеродным датам, к раннему неолиту следует отнести и погребение № 7 могильника Хужир-Нугэ XIV (раскопки О. И. Горюновой и А. В. Вебера, 1997 г.). Ранее оно было отнесено к среднему неолиту [Новиков, Горюнова, 2012].

В целом более чем за полувековой период на территории Приольхонья обнаружено и изучено 9 могильников и одиночных захоронений периода раннего неолита, включающих 28 погребений (рис. 1). Накопленный за все годы исследования фактический материал имеет большой научный потенциал для выявления особенностей погребальной практики населения Приольхонья в раннем неолите. Широкое привлечение методов естественных наук позволило выйти на новый уровень обобщений и датировки исследованных комплексов.

Цель предлагаемой статьи – обобщить все имеющиеся материалы по погребениям раннего неолита Приольхонья, выделить и характеризовать основные признаки погребальных практик, определить их датировку.

Материалы

Нами обобщены комплексы погребений раннего неолита Приольхонья, изученные непосредственно авторами статьи, а также архивные и публикационные материалы.

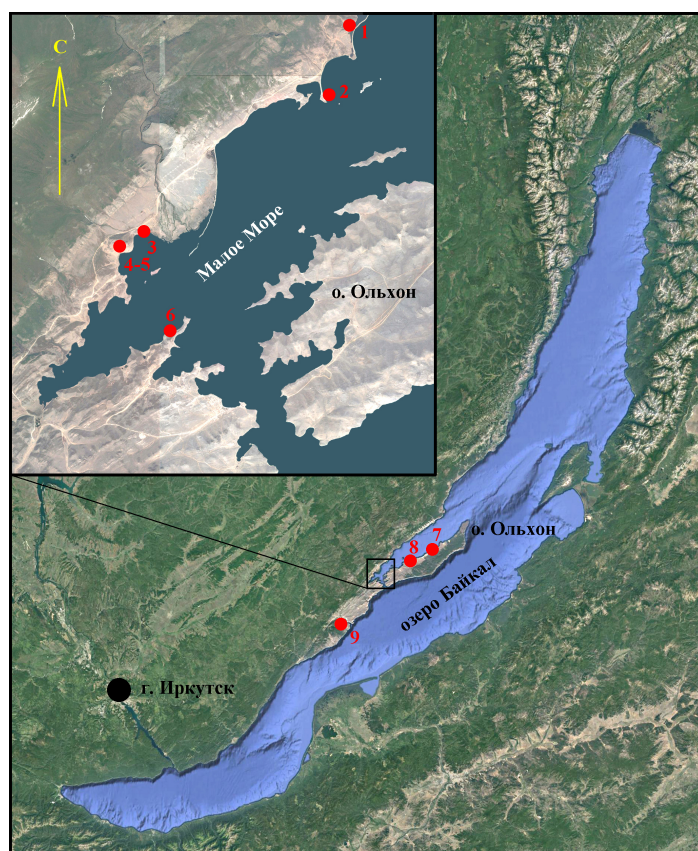

Рис. 1. Карта расположения погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья: 1 – Курма XI; 2 – Мыс Уюга; 3 – Сарминский Мыс; 4 – Хужир-Нугэ IX; 5 – Хужир-Нугэ XIV; 6 – Улан-Хада IV; 7 – Шаманский Мыс I; 8 – Хонхойская Губа I; 9 – Хоторук II

Могильник Шаманский Мыс I. К раннему неолиту относится погребение № 3 (1972 г.). Могила располагалась в начале перешейка, соединяющего Шаманский мыс с коренным берегом о-ва Ольхон, на высоте 24–26 м над уровнем Байкала. Погребение находилось под каменной кладкой, зафиксированной на глубине 0,4 м от современной поверхности. Ее форма овальная, размеры 2,2×1,3 м. Ориентация кладки по линии СЗЗ – ЮВВ. Под ней, на плитах внутримогильного перекрытия (на глубине 0,85 м от современной поверхности), обнаружен круглодонный сосуд с оттисками сетки-плетенки, украшенный вдоль венчика пояском крупных ямочек. Рядом с сосудом – гальки-отбойники и обломки кости животного. Плиты каменного перекрытия засыпаны охрой. Ниже внутримогильного перекрытия зафиксирован настил из бересты (со следами прошивки), поддерживаемый снизу деревянными колышками. Поверх этого настила располагались скелеты двух собак, уложенных на правый бок, головой на восток (рис. 2, 1, А, В). Рядом с ними найдены берестяной туесок, заполненный охрой, изделия из кости и камня, расколотые трубчатые кости животного. В числе костяных изделий: обойма составного

вкладышевого орудия, два отжимника, ложка-лопаточка с плоским резервуаром (рис. 2, 14), мотовило для рыболовной снасти – леси перемета (рис. 2, 13), расщепленный клык кабана. Каменные изделия представлены ножом из кварцита, двумя скребками (один из них – концевой) и отщепом.

Ниже, под берестяным настилом, размещался покойный, который был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. Он также находился на берестяной подстилке. Все погребение засыпано охрой. В числе сопроводительного инвентаря: пастовые бусинки и подвески из клыков благородного оленя (обшивка одежды и головного убора), обломки трех костяных наконечников гарпунов, два острия из рога, обломок плоской костяной пластины с орнаментом (рис. 2, 11), три костяных лошила, четыре точильных камня (рис. 2, 12), два наконечника стрел с вогнутой базой и асимметричными шипами (рис. 2, 10), вкладыш-бифас (рис. 2, 9), две призматические пластины, два куса сланца с надпилами, 17 стерженьков (рис. 2, 2–8) и 10 жальцев от составных рыболовных крючков. Стерженьки преимущественно китовского типа, еще один – изогнутый с боковой системой крепления (байкальский тип). В ряде случаев жальцами служили когти животных и птиц.

Могильник Хоторук II располагался по левому борту одноименной пади, на правом побережье р. Анги, в 3 км к северо-западу от ее устья (рис. 3). Неолитические погребения обнаружены на южном склоне, на высоте 20–30 м над уровнем реки. Всего вскрыто 7 ранненеолитических комплексов. Все могилы находились под каменными кладками, которые обнаружили на глубине 0,5 м от современной поверхности. Надмогильные сооружения – сплошные, овальной формы (рис. 4, 1). Их размеры 2,5–4,5×1,8–3 м. Ориентация кладок по линии север – юг (с небольшими отклонениями). В пяти случаях (№ 1, 2, 4, 5, 7) отмечены внутримогильные перекрытия из камней. Глубина могильных ям достигает 1,15–1,2 м от современной поверхности. Преобладают индивидуальные захоронения (№ 1, 4, 6, 7); имеются также два двойных (№ 3, 5) и одно тройное (№ 2). В погребении № 3 размещение покойных ярусное. Характерные положения умерших: на спине с согнутыми ногами – 5 случаев (рис. 4, 4); на правом боку с подогнутыми ногами – 5 случаев. В двойном погребении № 5 отмечено вторичное захоронение в виде кучи костей, размещенных в ногах погребенного (рис. 4, 2). В совместных захоронениях встречено сочетание разных положений умерших: № 2 – на спине с согнутыми ногами и на боку с подогнутыми ногами (рис. 4, 5); № 5 – на боку с подогнутыми ногами и вторичное. Характерна ориентировка головой на север с небольшими отклонениями к западу или востоку. В коллективном погребении № 2 один костяк ориентирован на юг (расположен по антитезе к другому). Все скелеты засыпаны охрой. Сопроводительный материал малочислен. В его составе: концевой скребок (№ 1), топор с «ушками» (№ 5) (рис. 4, 6), костяная обойма от составного вкладышевого орудия и наконечник двустороннего симметричного гарпуна из рога с отверстием в основании (№ 3) (рис. 4, 3), подвески из клыков благородного оленя (№ 2, 4), украшение из расщепленного клыка кабана (№ 4) и обломки трубчатых костей, вероятно, оленя (№ 3, 4). В двух погребениях инвентарь отсутствовал (№ 6, 7).

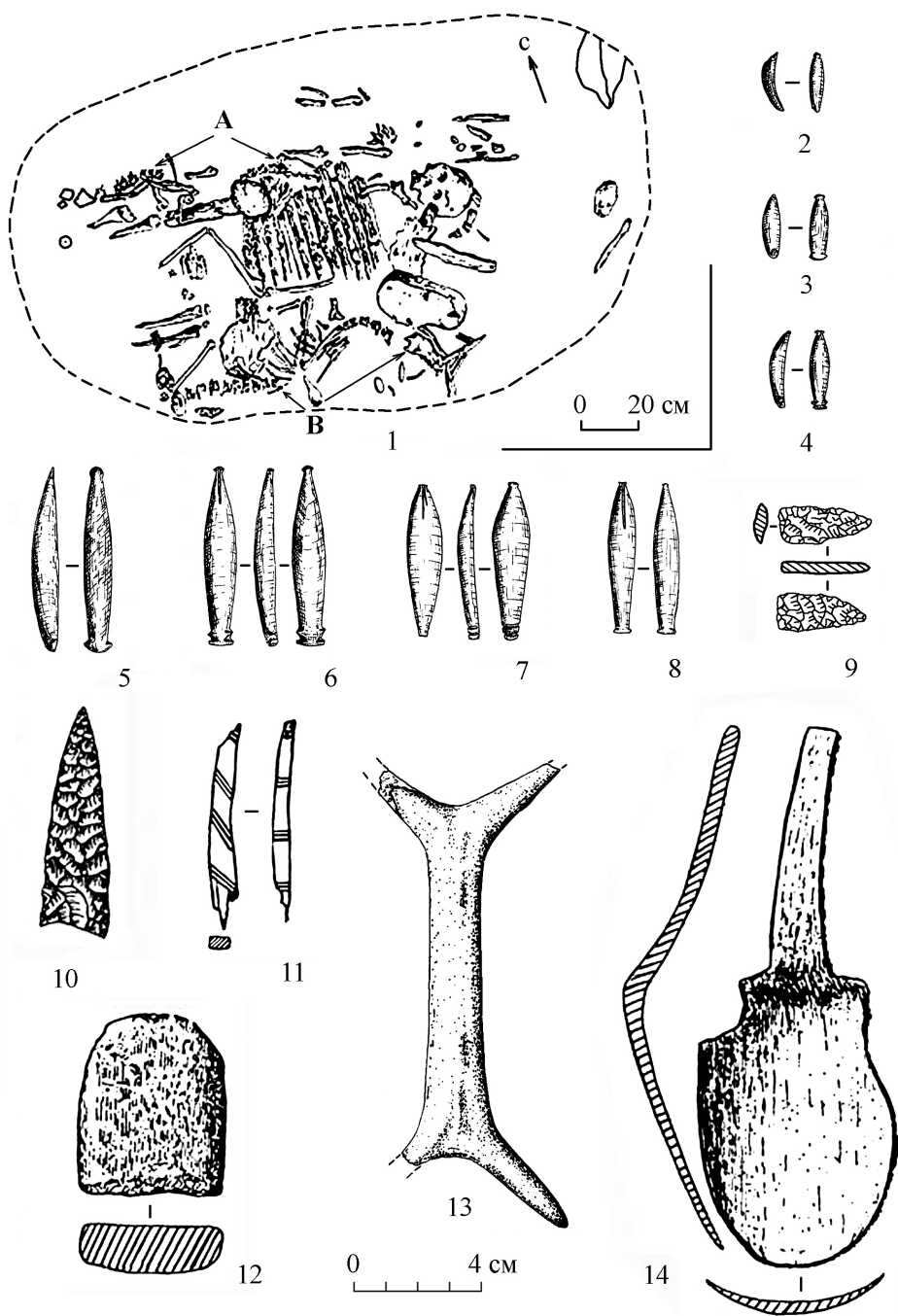

Рис. 2. Шаманский Мыс I, погребение № 3 (1972 г.):
1 – план погребения; 2–14 – сопроводительный инвентарь [Конопацкий, 1982]

Рис. 3. Общий вид на могильник Хоторук II (снято с юга)

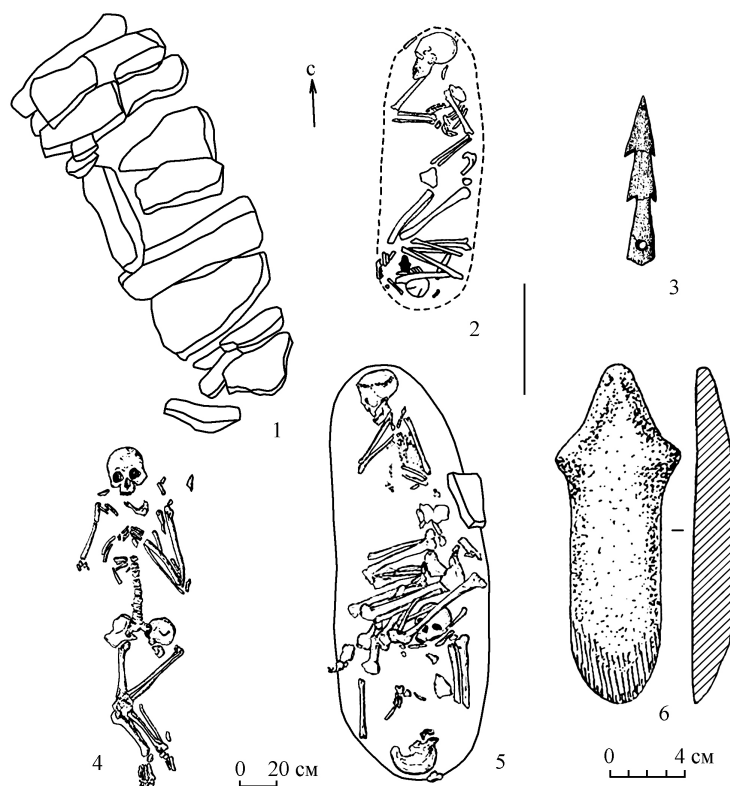

Рис. 4. Могильник Хоторук II: 1 – надмогильное сооружение (погребение № 7);
2 – погребение № 5; 3 – наконечник костяного гарпуна (погребение № 3);
4 – погребение № 1; 5 – погребение № 2; 6 – топор с «ушками» (погребение № 5)
[Конопацкий, 1982].

Могильник Улан-Хада IV находился в южной части одноименной бухты, у подножия склона. В группе хронологически разновременных могил выделены 2 погребения, отнесенные к раннему неолиту (№ 12 и 15). Высота их расположения – 7–8 м над уровнем Байкала. Эти погребения объединяет некоторая удаленность от основного массива захоронений (в 30–35 м к СВ от основного могильника) и особенности погребальной практики. Они сопровождались надмогильными сооружениями в виде скопления разрозненных плит. Размеры кладок 3,5–4×2–2,5 м. Могильные ямы – овальные, ориентированные по линии ССЗ–ЮЮВ. Глубина могил – 1–1,3 м от современной поверхности. Захоронения индивидуальные. Помещение погребенных в могилу разнообразное: вытянутое на спине (№ 12) и на спине с согнутыми в коленях ногами (№ 15). Их ориентация головой так же различна: на ССЗ (№ 12) и ЮЮВ (№ 15). Скелеты густо засыпаны охрой. Сопроводительный инвентарь малочислен: в погребении № 12 – 2 призматические пластины и 4 отщепа; в погребении № 15 – один отщеп.

Могильник Хонхойская Губа I находился на южном склоне оконечности мыса Елгай, обращенного к оз. Хонхой (рис. 5). Высота расположения – 20–23 м над уровнем Байкала. Всего вскрыто 6 ранненеолитических могил (№ 2–7). У одного погребения (№ 6) отмечено надмогильное сооружение из камней, зафиксированное на глубине 0,3–0,5 м от современной поверхности. Его форма – овальная, размерами 2,5×3 м. Камни уложены в один слой. Практически все погребения имели внутримогильные перекрытия из плоских камней (рис. 6, 1). Их конструкция сплошная, размеры 0,65×1,8 м. Исключение составляет погребение № 7, в котором каменные сооружения отсутствовали. Глубина могильных ям – 0,6–1,0 м от современной поверхности. Преобладают индивидуальные захоронения (№ 2, 4, 6, 7); два – двойных, одноплоскостных (№ 3, 5). Характерно положение умерших на правом боку, в скорченной позе (6 индивидов из 4 могил, включая двойные захоронения) (рис. 6, 3). По одному случаю – на спине с согнутыми ногами (№ 6) (рис. 6, 2) и на правом боку с подогнутыми ногами (№ 7). Ориентация погребенных – головой на север (с небольшими отклонениями). В двойных захоронениях расположение покойных по антитезе (рис. 6, 3). Четыре могилы (№ 3–5, 7) полностью засыпаны охрой. В трех погребениях (№ 2, 4, 5) сопроводительный материал отсутствовал. Наиболее «богатое» по количеству инвентаря – погребение № 7. В нем обнаружено 22 изделия, в числе которых 9 наконечников стрел, 7 стерженьков составных рыболовных крючков китойского типа (рис. 6, 4), 4 призматические пластины, обломок обоймы вкладышевого орудия и фрагмент изделия из кости. Инвентарь погребения № 3 представлен скребком и угловым резцом, а № 6 – тремя призматическими пластинами и остатками фауны (39 зубов мелких млекопитающих).

Погребально-поминальный комплекс Хужир-Нугэ IX находился в межгрядовых понижениях южного склона горы, ограничивающей одноименную бухту с ССЗ. Высота его расположения 56 м над уровнем Байкала. В числе искусственных сооружений – одно погребение (№ 3), датированное

ранним неолитом. Захоронение размещалось под каменной кладкой. Сооружение сплошное, округлой формы, диаметром 3 м. Ниже отмечено внутримогильное перекрытие из камней. Захоронение индивидуальное. Положение погребенного – на правом боку с подогнутыми ногами, головой на север. Могила полностью засыпана охрой. В числе сопроводительного инвентаря: рыбка-приманка китойского типа, нож, два скребка, три призматические пластины (часть из них – с ретушью), вкладыш, пластинчатый скел, 5 отщепов с ретушью и костяное изделие плохой сохранности.

Могильник Курма XI. Ранненеолитические погребения (№ 20–24, 27) располагались на пологих площадках восточного склона горы, на высоте 25–32 м над уровнем Байкала. На общем могильном поле они выделялись территориально. Захоронения № 20–23 составляли один ряд-цепочку, ориентированный по линии ЮЗ–СВ (поперек склона). Расстояние между кладками равняется 1,5–2 м. Одно погребение (№ 27) находилось на небольшой площадке ниже по склону, на расстоянии 11 м от них, а погребение № 24 – в 20 м выше по склону. Все захоронения размещались под каменными кладками, выложенными в несколько слоев (рис. 7, 2). Сооружения – сплошные, овальной формы, размерами 2,4–3,3×1,8–2,4 м. Кладка погребения № 27 – округлая, диаметром 3,5 м. Во всех случаях зафиксированы внутримогильные перекрытия из камней. Могильные ямы овальные, их ориентация, преимущественно, по линии СЗ–ЮВ (№ 23 – по линии З–В). Глубина могил варьирует от 0,25 до 0,43 м от современной дневной поверхности. Сохранность костей плохая. В двух могилах (№ 20, 23) кости не зафиксированы. Возможно, они являлись кенотафами или принадлежали детям, кости которых не сохранились (могильные ямы небольших размеров). Все захоронения – индивидуальные. Положение погребенных в могильных ямах разнообразное (рис. 7, 6–7): вытянутое на спине (№ 21, 24), на спине с согнутыми в коленях ногами (№ 27) и на правом боку со слегка согнутыми ногами (№ 22). Отмечено, что в одном ряду располагались погребения с различным положением умерших. Это свидетельствует о существовании различных традиций в одном хронологическом срезе. Ориентация всех покойных – головой на СЗ. Сопроводительный инвентарь зафиксирован только в двух погребениях (№ 21, 27) и представлен 4 призматическими пластинами (рис. 7, 3–5).

Могильник Сарминский Мыс. На могильнике, который является разновременным, выделены 3 погребения, датированные радиоуглеродным методом ранним неолитом (№ 22, 24 и 34). Некрополь размещался на пологих площадках южного и юго-западного склонов одноименного мыса (рис. 7, 1). Ранненеолитические погребения находились несколько обособленно – в юго-западном конце могильного поля. Высотные отметки их расположения – 29–32 м над уровнем Байкала. Погребения № 22 и 24 находились рядом друг с другом, на расстоянии 4 м (замеры проведены от центров сооружений). Погребение № 34 – в 20 м к северо-востоку от них. Захоронения имели каменные кладки, выложенные в несколько слоев. У погребения № 22

она округлая, размерами 2,8×3 м. Захоронения № 24 и 34 нарушены в древности, поэтому судить о форме их надмогильных сооружений затруднительно. Разброс плит – в пределах 3–4 м. Могильные ямы овальные, ориентированные по линии СЗ–ЮВ. Глубина могил – 0,1–0,24 м от современной поверхности. Захоронения индивидуальные. Положение покойного в погребении № 22 – вытянутое, на спине, головой на СЗ. Вероятно, аналогичное положение умершего было и в погребении № 24 (судя по размещению ряда костей, сохранивших анатомический порядок). Могила № 34 полностью разрушена; сохранилось только несколько костей. Сопроводительный инвентарь зафиксирован в погребении № 24 (рис. 7, 8–13). В его составе 5 призматических пластин (часть из них с краевой локальной ретушью), пластинчатый скол, угловой резец на призматической пластине, концевой скребок на пластинчатом сколе и отщеп.

Моги́льник Хужир-Нугэ XIV датируется бронзовым веком, однако здесь было раскопано одно неолитическое погребение (№ 7). Оно располагалось в межгрядовом понижении южного склона, на высоте 20 м над уровнем Байкала. Комплекс находился на расстоянии 50 м к западу от крайнего погребения (№ 9) основного могильника. Захоронение было перекрыто сплошной каменной кладкой овальной формы размерами 2,2×3,1 м с ориентацией большей стороной по линии З–В. Ниже зафиксированы плиты внутримогильного сооружения. Глубина могилы – 0,28 м от современной поверхности. Помещение погребенного – вытянутое, на спине, головой на север. Сопроводительный инвентарь в могиле не обнаружен.

Рис. 5. Общий вид на могильник Хонхойская Губа I (снято с северо-запада)

Рис. 6. Могильник Хонхойская Губа I:
1 – внутримогильное перекрытие (погребение № 5); 2 – погребение № 6; 3 – погребение № 5; 4 – стерженьки составных рыболовных крючков (погребение № 7)

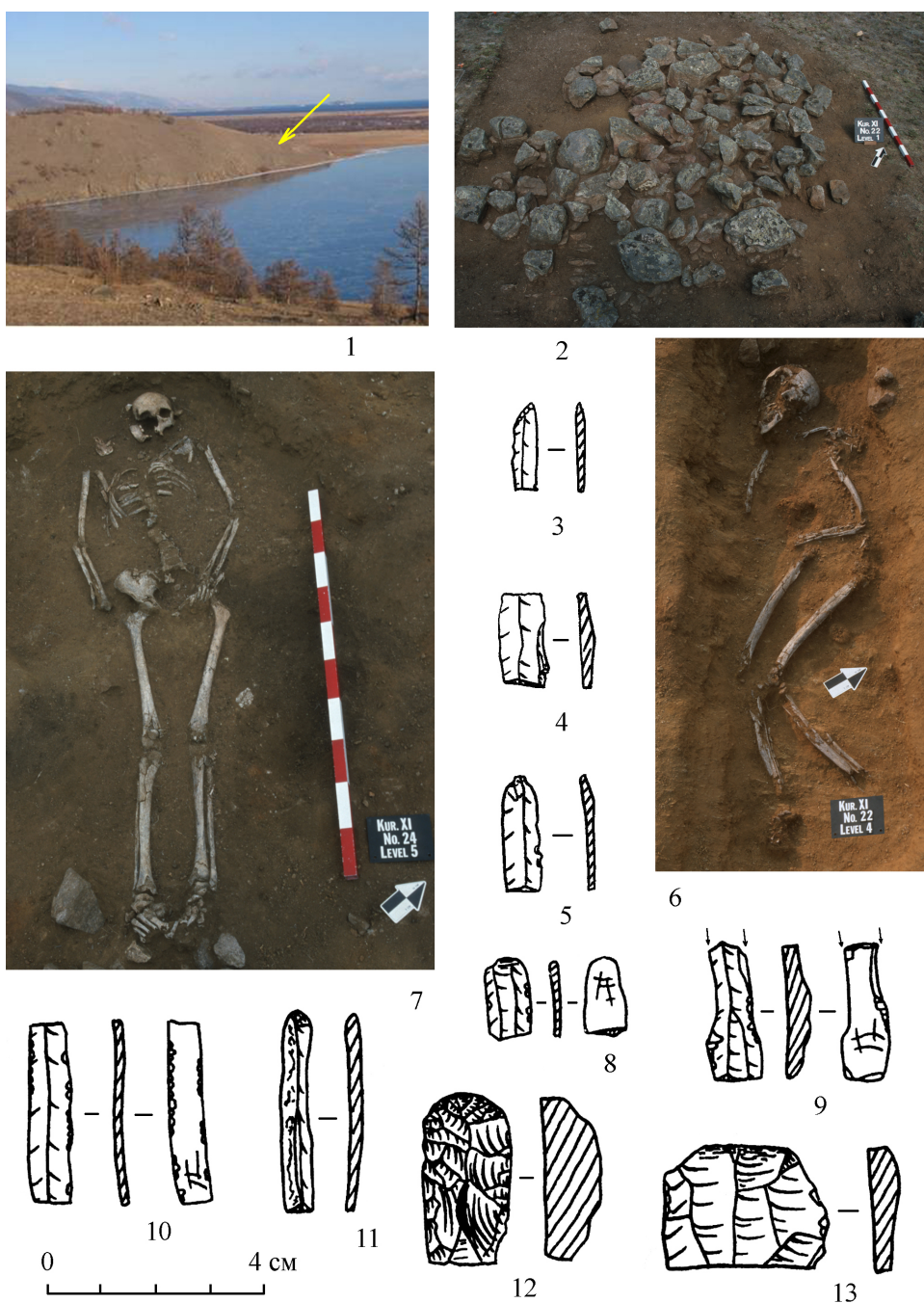

Рис. 7. Погребения курминской группы:

1 – общий вид на могильник Сарминский Мыс; 2 – надмогильная кладка (Курма XI, погребение № 22); 3–5 – Курма XI, сопроводительный инвентарь из погребений № 21 и № 27; 6 – Курма XI, погребение № 22; 7 – Курма XI, погребение № 24; 8–13 – Сарминский Мыс, сопроводительный инвентарь из погребения № 24

Могильник Мыс Уюга расположен в восточной части оконечности одноименного мыса (рис. 8, 1). Некрополь хронологически разновременный (неолит – бронзовый век). По сообщению авторов раскопок [Кичигин, Емельянова, Коростелев, 2017], на нем преобладают неолитические захоронения. В настоящее время опубликовано одно из них (№ 1), которое отнесено к раннему неолиту. Погребение потревожено еще в древности. Судить о наличии надмогильного сооружения не представляется возможным (вероятно, оно отсутствовало). Костяк зафиксирован на глубине 0,03–0,13 м. Погребение индивидуальное. Положение покойного – вытянутое, на спине, головой на ССЗ (рис. 8, 9). В составе сопроводительного инвентаря – остродонный сосуд сложной формы (рис. 8, 10). Его внешняя поверхность покрыта оттисками тонкого шнура (керамика хайтинского типа). Орнамент, выполненный прочерченными линиями, покрывает верхнюю часть сосуда. Композиция состоит из рядов, разбитых по окружности на зоны, украшенные горизонтальными «елочными» построениями из наклонных линий. Кроме того, в комплексе отмечены: игольник из кости, резчик и проколка на призматических пластинах, 9 отщепов, 5 призматических пластин, 2 позвонка рыб, 2 клыка нерпы, кусочек графита (рис. 8, 2–8).

Обсуждение

Основные признаки погребальных обрядов захоронений раннего неолита Приольхонья сведены в табл. 1. Учитывая их особенности (положение умерших в могильной яме, ориентация и дополнительные детали погребального обряда, состав и типология сопроводительного инвентаря), в этом регионе выделено две группы захоронений, объединенных стабильным набором характерных признаков.

В настоящее время наиболее многочисленна группа погребений, которая сочетает китойские традиции с региональными особенностями – хоторукская группа. Она представлена 17 погребениями (23 костяка) из 5 могильников: Хоторук II, Шаманский Мыс I (погребение № 3, 1972 г.), Хонхойская Губа I (№ 2–7), Улан-Хада IV (№ 12, 15) и Хужир-Нугэ IX (№ 3). Для этих погребений характерно наличие надмогильных и/или внутримогильных сооружений, выложенных из камней (исключение составляет погребение № 7 Хонхойской Губы I). Кладки овальной формы, размерами 2,2–4,5×1,3–3 м; перекрытия соответствовали размерам могил. Преобладающее положение умерших – на спине с согнутыми ногами (8) или на правом боку с подогнутыми ногами (7). На могильнике Хонхойская Губа I зафиксировано помещение покойных на боку в скорченной позе (на правом – 5, на левом – 1). В единичных случаях отмечены: вытянутое на спине (Улан-Хада IV, № 12) и вторичное в виде кучи костей (Хоторук II, № 5). Захоронения в основном индивидуальные. Двойные погребения (4) обнаружены на могильниках Хоторук II (№ 3, 5) и Хонхойская Губа I (№ 3, 5). Из них погребение № 3 могильника Хоторук II – с ярусным размещением покойных. Одна могила на некрополе Хоторук II (№ 2) – коллективная (3 костяка).

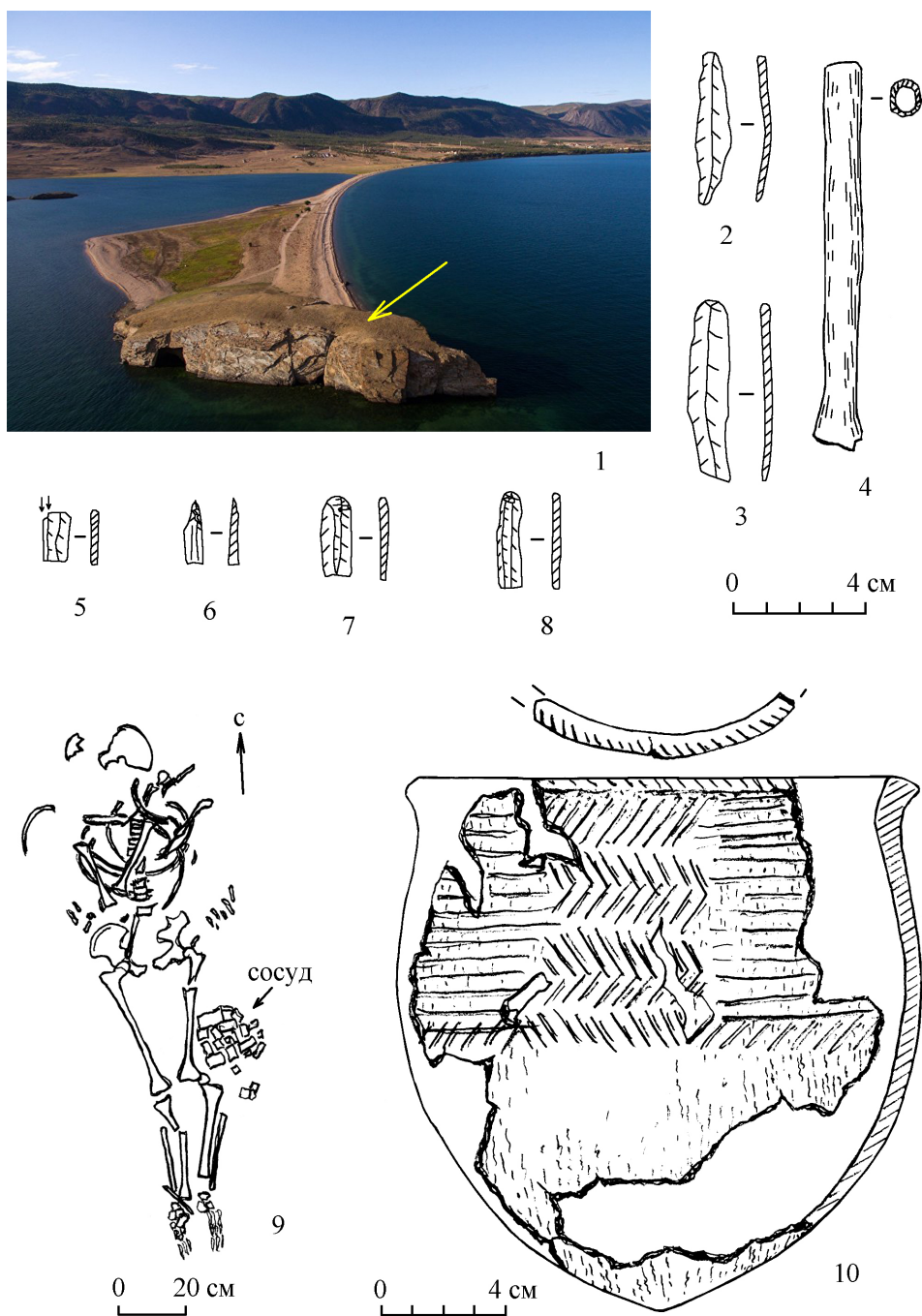

Рис. 8. Моги́льник Мыс Уюга:

1 – общий вид на моги́льник (снято с юга); 2–8, 10 – сопроводительный инвентарь из погребения № 1; 9 – погребение № 1 [Кичигин, 2014]

В ней отмечено сочетание двух разных положений умерших (на боку с подогнутыми ногами и на спине с согнутыми ногами), что свидетельствует об их одновременном существовании. Сочетание разных положений погребенных в одной могиле зафиксировано в двойном захоронении № 5 Хоторука II (на боку с подогнутыми ногами и вторичное захоронение в виде кучи костей). Основная ориентация покойных (16 случаев) – головой на север (с небольшими отклонениями к западу или востоку). Отмечены 3 случая (Хоторук II, № 2; Хонхойская Губа I, № 3 и 5) расположения покойных в совместных погребениях по принципу антитезы (один головой на север, другой – на юг). В единичных случаях зафиксирована ориентация на ЮЮВ (Улан-Хада IV, № 15) и восток (Шаманский Мыс I, № 3, 1972 г.). Характерной особенностью погребальной практики этой группы захоронений является засыпка охрой. Исключение составляют два погребения могильника Хонхойская Губа I (№ 2 и 6), в которых охра не обнаружена.

По особенностям погребальной практики выделяется погребение № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса I, в котором отмечено наличие дополнительного внутримогильного перекрытия в виде настила из бересты, поддерживаемого снизу деревянными колышками. Поверх перекрытия зафиксированы 2 скелета собак. Погребенный человек также лежал на берестяном настиле.

Сопроводительный инвентарь, как правило, малочислен и насчитывает от 1 до 10 предметов (табл. 2). В 5 могилах (Хоторук II, № 6 и 7; Хонхойская Губа I, № 2, 4, 5) он отсутствовал. По количеству и набору изделий выделяются следующие погребения: № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса I (более 60 ед.), № 7 Хонхойской Губы I (22 ед.) и № 3 Хужир-Нугэ IX (15 ед.).

По основным признакам погребальной практики хоторукская группа ранненеолитических захоронений Приольхонья аналогична классическим китойским комплексам: засыпка охрой, преобладающая ориентация, наличие двойных и коллективных погребений, вторичных и ярусных захоронений, размещение покойных в некоторых совместных могилах по принципу антитезы [Окладников, 1950, с. 406–407; Базалийский, 2012, с. 60–68]. Необычные особенности обряда, зафиксированные в погребении № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса I, также находят аналогии в китойских погребениях Верхнего Приангарья. Так, следы кольев от внутримогильных конструкций отмечены в трех погребениях Китойского могильника, раскопанного Н. И. Витковским в 1880–1881 гг. [Окладников, 1950, с. 406]. Захоронение собаки совместно с человеком встречено в китойском погребении раннего неолита – № 26 Шаманки II на Южном Байкале [Базалийский, 2012, с. 49]. Отмечены аналогии в составе и типологии сопроводительного инвентаря. В их числе характерные китойские изделия: стерженьки составных рыболовных крючков с полукруглыми выступами на концах и фронтальным креплением острия, наконечники стрел с вогнутой базой и асимметричными шипами, наконечники гарпунов с отверстием в основании, обоймы составных вкладышевых орудий, украшения из расщепленного клыка кабана, ложка-лопаточка с плоским резервуаром, пастовые бусинки. Каменная рыба-приманка, найденная в погребении № 3 Хужир-Нугэ IX, стилистически со-

ответствует второй группе китайских изображений рыб, выделенной С. В. Студизцкой [1976, с. 80]. Она находит аналогии и в материалах раннего неолита стояночных комплексов побережья Байкала [Новиков, Горюнова, 2016]. Серия калиброванных радиоуглеродных дат для слоев поселения Саган-Заба II, содержащих подобные каменные рыбки, лежит в пределах 7880–6310 л. н. [Новиков, Горюнова, 2016; A freshwater old ... , 2013]. Сосуд с оттисками сетки-плетенки, украшенный пояском ямочек, из погребения № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса I аналогичен керамике из китайских могильников: Локомотив (1 целый и 2 крупных фрагмента), Китайский (целый сосуд) и Шаманка II (1 целый и 2 крупных фрагмента) [Базалийский, 2012, с. 67].

Региональные, характерные черты заключаются в наличии каменных надмогильных и внутримогильных сооружений, в положении покойных в могиле (на спине с согнутыми в коленях ногами, на боку с подогнутыми ногами и скорченные). Подобное помещение покойных в могилу характерно для Восточнобайкальской (фофановской) группы китайских погребений и ряда погребений могильника Шаманка II, расположенного на южном Байкале [Герасимов, Черных, 1975, с. 23–32; Базалийский, 2012, с. 59–60, 68–69]. Однако последние отличаются ориентацией покойных и отсутствием каменных сооружений.

Ко второму массиву захоронений раннего неолита Приольхонья относится курминская группа. Она выделена на материалах 10 погребений из 3 могильников: Курма XI (№ 20–24, 27), Сарминский Мыс (№ 22, 23, 34) и Хужир-Нугэ XIV (№ 7). Для этой группы также характерно наличие надмогильных и внутримогильных сооружений, выложенных из камней (см. табл. 1). Кладки овальной формы, размерами 2,4–3,3×1,8–2,8 м. Все захоронения индивидуальные. В двух погребениях могильника Курма XI (№ 20, 23) костяки отсутствовали, поэтому определить их положение не представляется возможным. Погребение № 34 Сарминского Мыса полностью разрушено; сохранилось только несколько обломков трубчатых костей. Преобладает положение погребенных вытянутое на спине (5). На могильнике Курма XI в двух случаях отмечено расположение: на правом боку с согнутыми ногами (№ 22) и на спине со слегка согнутыми ногами (№ 27). Ориентация всех покойных – головой на С–СЗ. Охра во всех погребениях этой группы не зафиксирована. Сопроводительный инвентарь малочислен, в его составе – призматические пластины, отщепы, скребок и угловой резец (см. табл. 2). В 7 могилах из 10 изделия не обнаружены.

Возможно, к этой группе следует отнести погребение № 1 Мыса Уюга. В отличие от курминской группы захоронений, в нем отсутствовали надмогильное сооружение и внутримогильное перекрытие. По остальным признакам погребальной практики (положение умершего – вытянутое, на спине, ориентация – головой на ССЗ, отсутствие охры) оно не выделяется из этой группы. По количеству и набору сопроводительного инвентаря (22 предмета) оно наиболее «богатое». Среди изделий преобладают отщепы и призматические пластины (14 экз.). Датировущим предметом является шнуровой сосуд хайтинского типа. Подобная керамика в погребении отмечена впервые.

Таблица 1

Основные элементы погребальной обрядности захоронений раннего неолита

Название объекта, № погребения, № костяка		Надмогильное сооружение	Внутримогильное перекрытие	Труположение						Ориентация				Наличие охры	Берестяное покрытие	Индивидуальное	Двойное		Коллективное	Наличие инвентаря			Без инвентаря	Фаунистические останки	
				На спине вытянутое	На спине с согнутыми ногами	На боку			Вторичное	Не определено	Север, ССЗ, ССВ	СЗ	Восток				Юг, ЮЮВ	Одноплоскостное		Ярусное	Из камня	Из кости			Керамика
						С согнутыми ногами	С подогнутыми ногами	Скорченное																	
Шаманский Мыс I	№ 3 (72 г.)	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	+	
Хоторук II	№ 1	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	
	№ 2	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	
	1	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	2	-	-	-	?	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	3	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	№ 3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	
	1	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	2	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	
№ 4	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	+		
Улан–Хада IV	№ 5	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	
	1	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	
	2	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	№ 6	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	
Хонхой- ская Губа I	№ 7	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	
	№ 12	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	
	№ 15	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	
	№ 2	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	
	№ 3	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	
	1	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	2	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	№ 4	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	

Окончание табл. 1

Название объекта, № погребения, № костяка		Надмогильное сооружение	Внутримогильное перекрытие	Трупоположение						Ориентация				Наличие охры	Берестяное покрытие	Индивидуальное	Двойное		Коллективное	Наличие инвентаря			Без инвентаря	Фаунистические останки	
				На спине вытянутое	На спине с согнутыми ногами	На боку			Вторичное	Не определено	Север, ССЗ, ССВ	СЗ	Восток				Юг, ЮЮВ	Одноплоскостное		Ярусное	Из камня	Из кости			Керамика
						С согнутыми ногами	С подогнутыми ногами	Скорченное																	
Хонхой- ская Губа I	№ 5	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-		
	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
	2	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
	№ 6	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	+		
	№ 7	-	-	-	-	-	?	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-		
Хужир- Нугэ IX	№ 3	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+	+	-	-		
Курма XI	№ 20	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	?	-	-	-	-	?	-	-	-	-	+	-		
	№ 21	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-		
	№ 22	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-		
	№ 23	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	?	-	-	-	-	+	-		
	№ 24	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-		
	№ 27	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-		
Сармин- ский Мыс	№ 22	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-		
	№ 24	+	-	?	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-		
	№ 34	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	?	-	-	-	-	+	-		
Хужир- Нугэ XIV	№ 7	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-		
Мыс Уюга	№ 1	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+		
ВСЕГО		22	19	7	9	1	7	6	1	3	17	8	1	4	20	1	23	3	1	1	13	7	2	12	
																								5	

Таблица 2

Сопроводительный инвентарь из погребений раннего неолита Приольхонья

[illegible]

В комплексах поселений она широко встречается на территории юга Средней Сибири: в VI слое Саган-Забы II, VIII слое Бугульдейки I, VI и VA слоях Горелого Леса, V и VA слоях Усть-Хайты и др. [Савельев, 1989; Многослойный геоархеологический ... , 2001; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011; Бердников, 2013; Тимошенко, Бочарова, 2016; Горюнова, Новиков, 2017]. Серия радиоуглеродных AMS-дат (получены по костям копытных животных): по VI слоям Саган-Заба II в пределах 7203–7147 л. н. (8160–7880 кал. л. н.), по VIII слою Бугульдейки I – 6870±20 л. н. (UCIAMS-183007) (7750–7660 кал. л. н.) [A freshwater old ... , 2013; Тимошенко, Бочарова, 2016]. Радиоуглеродные даты по комплексам многослойных поселений Верхнего Приангарья – в пределах 7300(7400)–6100 л. н. (8400–6900 кал. л. н.) [Многослойный геоархеологический ... , 2001; Angara-Southwest Baikal ... , 2017, p. 29–31, 37].

Широкомасштабное радиоуглеродное датирование погребений неолита Прибайкалья, и в частности Приольхонья, проведенное в рамках Российско-Канадского Байкальского археологического проекта, дало значительные результаты. Были получены не отдельные даты по некоторым комплексам, а по могильникам в целом [Radiocarbon dates ... , 2006; Chronology of Middle Holocene ... , 2016]. В настоящее время по погребениям, отнесенным к раннему неолиту Приольхонья, получено по человеческим костям методом AMS-датирования 25 радиоуглеродных дат (табл. 3). Одна дата – по погребению № 3 (1972 г.) Шаманского Мыса I (COAH-790) – выполнена по дереву из внутримогильного перекрытия [Конопацкий, 1982, с. 71–72].

К сожалению, не все полученные даты можно использовать при сравнительном анализе. В последние десятилетия принципиально изменился уровень интерпретации полученных данных. Выявлена зависимость результатов датирования не только от количества сохранившегося в кости коллагена, но и от прижизненного рациона питания каждого индивида в отдельности [Radiocarbon dates ... , 2006, p. 150; Chronology of Middle Holocene ... , 2016]. Определилась проблема резервуарного эффекта, существенно влияющая на датирование. В связи с этим необходимо параллельно с радиоуглеродным определением проводить анализ стабильных изотопов углерода и азота в костях погребенных. Без учета этих данных полученные результаты нельзя рассматривать как достоверные – все они требуют дополнительной коррекции.

В настоящее время из 26 радиоуглеродных дат по погребениям раннего неолита Приольхонья использовать для сравнительного анализа возможно только 15 из них (см. табл. 3). Курминская группа погребений на этой территории существовала в пределах 8177–7330 кал. л. н., а хоторукская – в пределах 7749–7163 кал. л. н. Отмечены две не согласующиеся с ними даты по погребениям с китойской традицией: № 7 Хоторука II (8429–8189 кал. л. н.) и № 12 Улан-Хады IV (6298–6002 кал. л. н.), которые необходимо по возможности проверить. Судя по полученным датам, какой-то период обе погребальные практики сосуществовали. Необходимо заметить, что захоронения с различными традициями погребения локализованы в отдельные некрополи, составляя самостоятельные могильники. Вероятно, они

принадлежали разным группам населения. В пользу этого предположения выступают данные, полученные в результате исследований комплексов стратифицированных поселений раннего неолита (8200–7000 кал. л. н.) Приольхонья. На этой территории отмечено существование разных традиций изготовления керамических сосудов: сетчатая (с оттисками сетки-плетенки) и шнуровая (хайтинского типа) [Горюнова, Новиков, 2017]. Выявлены однокомпонентные стоянки, содержащие керамику только с оттисками сетки-плетенки, и многокомпонентные объекты, сочетающие сетчатую и шнуровую керамику хайтинского типа. В соответствии с радиоуглеродными датами, обе традиции гончарного производства существовали в одних хронологических рамках.

Таблица 3

Радиоуглеродные даты погребений раннего неолита Приольхонья

Название объекта, № погребения, № костяка		Лабораторный номер	Дата ^{14}C , л. н.	Корректированная дата ^{14}C , л. н.	Калиброванный возраст, л. н. (95 % вероятности)*	
Шаманский Мыс I, № 3 (72 г.)		СОАН-790 ТО-10311	6550±35 6310±80	не требуется –	7560–7420 –	
Хоторук II	2	OxA-25116	6722±36	6487±88	7570–7260	
	2-1	ТО-04824	7020±70	–	–	
	2-3	ТО-04826	6770±60	–	–	
	4	OxA-25119	6790±37	6669±64	7652–7435	
	5-1	OxA-25156 ТО-04825	6901±38 6550±70	6621±64 –	7595–7425 –	
	7	OxA-25118	7657±39	7533±65	8429–8189	
Улан-Хада IV		12	OxA-33952	5500±38	5398±64	6298–6002
Хонхойская Губа I	5-1	OxA-30600	6786±37	6386±64	7430–7180	
	6	OxA-30601	7146±36	6783±63	7749–7513	
	7	OxA-30602	6782±35	6340±63	7420–7163	
Курма XI	21	ТО-11680	6450±80	–	–	
	22	OxA-25137 ТО-11681	7019±36 6340±120	6887±63 –	7915–7599 –	
	24	OxA-25138 ТО-11682	7474±37 5850±70	7237±64 –	8177–7955 –	
Сарминский Мыс	22	OxA-25570	7078±38	6942±64	7931–7667	
	24	OxA-34509 OxA-35007	7025±45 6974±37	6641±47 6551±64	7584–7439 7570–7330	
	34	OxA-34508	7415±45	–	–	
Хужир-Нугэ XIV		7	OxA-33346 ТО-06862	7238±40 5110±270	7149±65 –	8157–7843 –
Мыс Уюга		1	OxA-33242 Beta-432253	7387±38 6910±30	– –	– –

*Калибровка выполнена только для корректированных ^{14}C -дат.

Таким образом, в настоящее время в раннем неолите Приольхонья отмечены две традиции в погребальной практике и гончарном производстве, свидетельствующие об их принадлежности к разным группам населения.

Заключение

За все годы исследования на территории Приольхонья обнаружено и изучено 9 могильников и одиночных комплексов периода раннего неолита, включающих 28 погребений. Учитывая особенности конструкций надмогильных и внутримогильных сооружений, положений умерших в могильной яме, ориентации, дополнительных деталей погребального обряда и типологии сопроводительного инвентаря, в раннем неолите Приольхонья выделены две основные группы захоронений, объединенные стабильным набором характерных признаков: хоторукская (приольхонский вариант китойской погребальной практики) и курминская. Эти традиции различаются между собой, прежде всего, трупопомещением покойного в могиле, наличием или отсутствием засыпки погребенного охрой, набором и типологией сопроводительного инвентаря. Выявлено, что для первой из них характерно помещение покойных на спине с согнутыми ногами, на правом боку с подогнутыми ногами и скорченные, а для курминской группы – вытянутое на спине. Отмечено, что ранненеолитические захоронения с разными погребальными традициями не встречаются на одних могильниках. Вероятно, они принадлежали разным группам населения. Судя по радиоуглеродным датам, курминская группа погребений на этой территории существовала в пределах 8177–7330 кал. л. н., а исследованные погребения с китойской традицией (хоторукская группа) – в пределах 7749–7163 кал. л. н. Вероятно, какой-то период обе погребальные практики сосуществовали.

На территории Приольхонья погребения с китойской традицией имеют ряд локальных признаков, не характерных для «классических» китойцев, ареал которых – территория Верхнего Приангарья и южные районы побережья Байкала (наличие надмогильных и внутримогильных каменных сооружений; трупоположение – на спине с согнутыми ногами, на боку с подогнутыми ногами и скорченное). По особенностям трупоположения хоторукская группа китойских погребений сближается с восточнобайкальской (фофановской) группой и рядом погребений могильника Шаманка II южного Байкала. Однако последних отличает ориентация покойных и отсутствие каменных сооружений.

В настоящее время для детальной характеристики культурно-исторических процессов, протекавших на территории Приольхонья в раннем неолите, еще недостаточно данных. Многообразие погребальных практик, выявленных в этом районе, свидетельствует о сложных этнических процессах, протекавших на этой территории. Вероятно, район Приольхонья представлял собой один из периферийных участков распространения китойской традиции, впитавшей некоторые местные особенности погребальной практики.

Дальнейшие исследования погребений раннего неолита Приольхонья нами видятся в поиске и изучении новых могильников, в широком комплексном использовании традиционных археологических методов и методов естественных наук для их всестороннего изучения и датирования.

Список литературы

Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.

Вебер А. В., Горюнова О. И. Хронология могильника Курма XI (оз. Байкал) по археологическим и радиоуглеродным датам // Изв. Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 186–190.

Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 23–48.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Горюнова О. И., Вебер А. В. Работы Российско-Канадской экспедиции на могильниках бронзового века побережья оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2003. Т. 9. С. 331–335.

Горюнова О. И., Новиков А. Г. Керамика раннего неолита из поселений побережья озера Байкал // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. 1. С. 137–140.

Горюнова О. И., Хлобыстин Л. П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 41–56.

Горюнова О. И., Вебер А. В., Новиков А. Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2012. 271 с.

Горюнова О. И., Новиков А. Г., Вебер А. В. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб. ; М. ; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 125–127.

Грязнов М. П., Максименков Г. А. Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 5–13.

Кичигин Д. Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. Ч. 1. С. 93–97.

Кичигин Д. Е., Емельянова Ю. А., Коростелев А. М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Чанчунь, 2017. С. 102–107.

Комарова М. Н., Шер Я. А. Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. Иркутск, 1992. С. 32–41.

Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала. Новосибирск : Наука, 1982. 175 с.

Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные / Н. А. Савельев, А. В. Тетенькин, Е. С. Игумнова, Т. А. Абдулов, Е. М. Инешин, С. С. Осадчий, В. М. Ветров, А. М. Клементьев, М. П. Мамонтов, Л. А. Орлова, И. В. Шибанова // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск, 2001. С. 338–347.

Новиков А. Г., Горюнова О. И. Неолитические погребения Приольхонья (оз. Байкал): периодизация и хронология // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. Вып. 3, ч. 1. С. 80–89.

Новиков А. Г., Горюнова О. И. Скульптура малых форм из поселений неолита и бронзового века побережья озера Байкал // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 4. С. 60–66.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1, 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 412 с. (МИА; № 18).

Савельев Н. А. Неолит юга средней Сибири, история основных идей и современное состояние проблемы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Студзицкая С. В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 74–89.

Тимошенко А. А., Бочарова Е. Н. Предварительные результаты изучения многослойного археологического объекта Бугульдейка I на юго-западном побережье оз. Байкал в 2016 году // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 180–187.

Харинский А. В., Луньков А. В. Отчет о научно-исследовательской работе: Спасательные археологические работы на погребально-поминальном комплексе Хужир-Нугэ IX в Ольхонском районе в 2010 г. // Архив Центра сохранения наследия Иркутской области. Иркутск, 2010. № 1408/н. 101 с.

A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site / T. Nomokonova, R. J. Losey, O. I. Goriunova, A. W. Weber // Quaternary International. 2013. Vol. 290–291. P. 110–125.

Angara-Southwest Baikal / R. J. Losey, L. Fleming, T. Nomokonova, V. I. Bazaliiskii, A. M. Klementev, N. A. Saveliev // Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal. 2017. Ch. 3. P. 27–51.

Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect / A. Weber, R. J. Schulting, C. B. Ramsey, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. E. Berdnikova // Quaternary International. 2016. V. 419. P. 74–98.

Radiocarbon dates from neolithic and bronze age hunter-gatherer cemeteries in the Cis-Baikal region of Siberia / A. W. Weber, R. P. Beukens, V. I. Bazaliiskii, O. I. Goriunova, N. A. Saveliev // Radiocarbon. 2006. Vol. 48, N 1. P. 127–166.

Results of the Study and Dating of the Early Neolithic Burial Complexes in Olkhon Region (Lake Baikal)

O. I. Goriunova^{1,2}, A. G. Novikov^{1,2}, G. V. Turkin³, A. W. Weber⁴

¹*Irkutsk State University, Russian Federation*

²*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Russian Federation*

³*"Altamira" LLC, Russian Federation*

⁴*University of Alberta, Canada*

Abstract. For the first time all Early Neolithic burial complexes in Olkhon region (the western coast of Lake Baikal) have been generalized and analyzed. There were studied nine cemeteries and single graves, including 28 burials. The largest among them are Khotoruk 2, Khonkhoiskaya Guba 2 and Kurma 11. According to the features of the outside and inside grave constructions, the body position in the grave, orientation, additional details of the funeral rite and the typology of the associated inventory, two main groups of burial places are identified, united by a stable set of characteristic features: Khotoruk (Olkhon region variant of the Kitoi mortuary practice) and Kurma variant. They differ in a body positioning; presence or absence of the ochre; set and typology of associated inventory. It was revealed that the first group is characterized by the placement of the deceased: they have been laying on the back with bent legs, on the right side with bent legs and skewed, and for the Kurma group – stretched out on the back. It is noted that Early Neolithic burials with different mortuary traditions cannot be found

on one cemetery. They belonged probably to different groups of the population. The age of the burial complexes was determined on the analysis of new AMS-dates, taking into account their correction for the reservoir effect. In accordance with them, the Kurma group existed within the range of 8177–7330 cal BP, and Khotoruk – within the range of 7749–7163 cal BP. It is highly possible that for some period both practices co-existed. On the territory of Olkhon region, the burials with the Kitoi tradition (Khotoruk group) have local differences from the “classical” Kitoi”, which area lies in the Upper Angara region (the presence of stone structures and a body positioning with bent legs in different variations). According to the peculiarities of the body positioning, they are close to the East Baikal (Fofanovo) group and a number of burials of Shamanka II cemetery in the Southern Baikal. The variety of burial practices discovered in the territory of the Olkhon region testifies to the more complex ethnic processes taking place in this region.

Keywords: Lake Baikal, Olkhon region, Early Neolithic, burial complexes, Khotoruk group, Kurma group, radiocarbon dating, reservoir effect.

For citation: Goriunova O. I., Novikov A. G., Turkin G. V., Weber A. W. Results of the Study and Dating of the Early Neolithic Burial Complexes in Olkhon Region (Lake Baikal). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 2018, Vol. 23, pp. 44–70. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.23.44> (in Russ.)

References

- Aseev I. V. *Yugo-Vostochnaya Sibir v epokhu kamnya i metalla [South-Eastern Siberia in the Era of Stone and Metal]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2003, 208 p. (In Russ.)
- Bazaliiskii V. I. Pogrebalnye komplekсы epokhi pozdnego mezolita – neolita Baikalskoi Sibiri: traditsii pogrebenii, absol'yutnyi vozrast [Burial complexes of the Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: the tradition of burials, absolute age]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*. 2012, Vol. 9, pp. 43–101. (In Russ.)
- Berdnikov I. M. Klyuchevye aspekty istoriko-kulturnykh protsessov na yuge Srednei Sibiri v epokhu neolita (po materialam keramicheskikh kompleksov) [Key aspects of historical and cultural procedures in South of Middle Siberia during the Neolithic period (based on pottery complexes)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2013, Vol. 1 (2), pp. 203–229. (In Russ.)
- Gerasimov M. M., Chernykh E. M. Raskopki Fofonovskogo mogilnika v 1959 g. [Excavations of Fofonovo burial ground in 1959]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri [Prehistoric Archaeology of Siberia]*. Leningrad, 1975, pp. 23–48. (In Russ.)
- Goriunova O. I. *Serovskie pogrebeniya Priolkhoniya (ozero Baikal) [Serovo burials in the Olkhon region (Lake Baikal)]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1997, 112 p. (In Russ.)
- Goriunova O. I., Khlobystin L. P. Datirovka kompleksov poseleniya i pogrebenii bukhty Ulan-Khada [The dating of settlement and burials complexes of Ulan-Khada Bay]. *Drevnosti Baikala [Antiquities of Baikal]*. Irkutsk, 1992, pp. 41–56. (In Russ.)
- Goriunova O. I., Novikov A. G. Keramika rannego neolita iz poselenii poberezhya oz. Baikal [Ceramics of the Early Neolithic from the settlements of the coast of Lake Baikal]. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo siezda v Barnaule – Belokurikhe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha]*. Barnaul, 2017, Vol. 1, pp. 137–140. (In Russ.)
- Goriunova O. I., Weber A. W. Raboty Rossiisko-Kanadskoi ekspeditsii na mogilnikakh bronzovogo veka poberezhya oz. Baikal [Fieldwork by the Russian-Canadian expedition at Bronze Age cemeteries on the coast of Lake Baikal]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]*. 2003, Vol. 9, Is. 1, pp. 331–335. (In Russ.)
- Goriunova O. I., Novikov A. G., Weber A. W. Keramika rannego neolita Pribaikaliya (po materialam mnorosloinogo poseleniya Sagan-Zaba II) [Early Neolithic pottery in Cis-

Baikal (based on the materials from a multilayered settlement Sagan-Zaba 2)]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhologicheskogo siezda [Proceedings of the 3 (19) All-Russian Archaeological Congress]*. St. Petersburg, Moscow, Velikii Novgorod, 2011, Vol. 1, pp. 125–127. (In Russ.)

Goriunova O. I., Weber A. W., Novikov A. G. *Pogrebalnye komplekсы neolita i bronzovogo veka Priolkhoniya: mogilnik Kurma XI [Burial complexes of the Neolithic and Bronze Age in the Olkhon region: Kurma XI burial ground]*. Irkutsk, ISU Publ., 2012, 271 p. (In Russ.)

Gryaznov M. P., Maksimenkov G. A. Zadachi i itogi rabot Irkutskoi ekspeditsii [The tasks and results of the work of the Irkutsk expedition]. *Drevnosti Baikala [Antiquities of Baikal]*. Irkutsk, 1992, pp. 5–13. (In Russ.)

Kichigin D. E. Neoliticheskoe pogrebenie na myse Uyuga (oz. Baikal) [Neolithic burial at the cape Uyuga (Lake Baikal)]. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]*. Kyzyl, 2014, Vol. 1, pp. 93–97. (In Russ.)

Kichigin D. E., Emeliyanova Yu. A., Korostelev A. M. Parnoe pogrebenie rannego bronzovogo veka mogilnika Mys Uyuga (predvaritelnoe soobshchenie) [The Husband-and-wife burial in the Early Bronze Age at the Mys Uyuga burial ground (Early Report)]. *Drevnie kultury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]*. Chanchun, 2017, pp. 102–107. (In Russ.)

Komarova M. N., Sher Ya. A. Mogilniki bukhty Ulan-Khada [Burial grounds of Ulan-Khada Bay]. *Drevnosti Baikala [Antiquities of Baikal]*. Irkutsk, 1992, pp. 32–41. (In Russ.)

Konopatskii A. K. Drevnie kultury Baikala [The ancient culture of Baikal]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 176 p. (In Russ.)

Losey R. J., Fleming L., Nomokonova T., Bazaliiskii V. I., Klementiev A. M., Saveliev N. A. Angara-Southwest Baikal. *Holocene Zooarchaeology of Cis-Baikal*. 2017, Ch. 3, pp. 27–51.

Nomokonova T., Losey R. J., Goriunova O. I., Weber A. W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site. *Quaternary International*. 2013, Vol. 290–291, pp. 110–125.

Novikov A. G., Goriunova O. I. Neoliticheskie pogrebeniya Priolkhoniya (oz. Baikal): periodizatsiya i khronologiya [Neolithic burials of Olkhon region (Lake Baikal): periodization and chronology]. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]*. Ulaan-Baatar, 2012, Vol. 3, Is. 1, pp. 80–89. (In Russ.)

Novikov A. G., Goriunova O. I. Skulptura malykh form iz poselenii neolita i bronzovogo veka poberezhia ozera Baikal [Small sculptures from Neolithic and Bronze Age settlements on the shores of Lake Baikal]. *Arkheologiya, etnographiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*. 2016, Vol. 44, Is. 4, pp. 60–66. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikaliya [Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal region]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; N 18 [Materials and research on Archeology of the USSR; Vol. 18]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, Part 1 and 2, 412 p. (In Russ.)

Saveliev N. A. *Neolit yuga srednei Sibiri (istoriya osnovnykh idei i sovremennoe sostoyaniye problemy) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The Neolithic of the South of Middle Siberia (history of the basic ideas and current state of the problem). Cand. of histor. sci. syn. diss.]*. Novosibirsk, 1989, 25 p. (In Russ.)

Saveliev N. A., Tetenkin A. V., Igumnova E. S., Abdulov T. A., Ineshin E. M., Osadchii S. S., Vetrov V. M., Klementiev A. M., Mamontov M. A., Orlova L. A., Shibanova I. V. Mnogosloyniy geoarkheologicheskii objekt Ust-Khaita (predvaritelnye dannye) [Multi-layered geoarchaeological object Ust-Khaita (preliminary data)]. *Sovremennyye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya [Current problems in the Eurasian Paleolithology]*. Novosibirsk, 2001, pp. 338–347. (In Russ.)

Studitskaya S. V. Sootnoshenie proizvodstvennykh i kultovykh funktsii sibirskikh neoliticheskikh izobrazhenii ryb [Ratio of production and cult functions of Siberian Neolithic im-

ages of fish]. *Iz istorii Sibiri [From the history of Siberia]*. Tomsk, 1976, Vol. 21, pp. 74–89. (In Russ.)

Timoshchenko A. A., Bocharova E. N. Predvaritelnye rezultaty izucheniya mnog-osloinogo arkhеologicheskogo obiekta Buguldeika I na yugo-zapadnom poberezhie oz. Baikal v 2016 godu [The first results of excavation on Buguldeika 1 multilayers site at 2016 (South-West Coast of Baikal)]. *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures]*. 2016, Vol. 5, pp. 180–187. (In Russ.)

Weber A. W., Goriunova O. I. Khronologiya mogilnika Kurma XI (oz. Baikal) po arkhеologicheskim i radiouglerodnym dannym [Chronology of Kurma 11 burial ground (Lake Baikal) for archaeological and radiocarbon data]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*. 2005, Vol. 3, pp. 186–190. (In Russ.)

Weber A. W., Beukens R. P., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Saveliev N. A. Radiocarbon dates from Neolithic and Bronze Age hunter-gatherer cemeteries in the Cis-Baikal region of Siberia. *Radiocarbon*. 2006, Vol. 48 (1), pp. 127–166.

Weber A., Schulting R. J., Ramsey C. B., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Berdnikova N. E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. *Quaternary International*. 2016, Vol. 419, pp. 74–98.

Горюнова Ольга Ивановна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион», Иркутский государственный университет; Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; Россия, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

e-mail: as122@yandex.ru

Goriunova Olga Ivanovna

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Scientific Research Center "Baikal Region", Irkutsk State University; 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 17, Akad. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

e-mail: as122@yandex.ru

Новиков Алексей Геннадьевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник, НИЦ «Байкальский регион», Иркутский государственный университет; Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; Россия, 630090 г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

e-mail: as122@yandex.ru

Novikov Alexei Gennadievich

Candidate of Sciences (History), Researcher, Scientific Research Center "Baikal region", Irkutsk State University; 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; 17, Akad. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

e-mail: as122@yandex.ru

Туркин Геннадий Владимирович

кандидат исторических наук, археолог, ООО «Альтамира»; Россия, 665830, г. Ангарск, 73-6-43

e-mail: angtur@list.ru

Turkin Gennadii Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Archaeologist, «Altamira» LLC.; 73-6-43, Angarsk, 665830, Russian Federation

e-mail: angtur@list.ru

Вебер Анджей Витольд

Ph. D., профессор, отделение антропологии, Университет Альберты; Канада, Т 6G 2H4, Альберта, Эдмонтон, 13-15 НМ Tory Building

e-mail: aweber@ualberta.ca

Weber Andrzej W.

Ph. D., Professor, Department of Anthropology, University of Alberta; 13-15 НМ Tory Building, Edmonton, AB T6G 2H4, Canada

e-mail: aweber@ualberta.ca